

Пространство и время

Изборск и Варяжское сказание

Николай Лопатин

Izborsk and the Varangian legend

Nikolai Lopatin (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences)

Основы текстологического изучения «Сказания о призвании варягов» заложил А.А. Шахматов, важнейшим достижением которого в данной области стал вывод о том, что «Варяжское сказание» несёт в себе наслоения разного времени¹. Сопоставление текстов «Сказания» по разным летописям позволило Шахматову утверждать, что древнейшая из дошедших до нас его версий находится в составе Новгородской первой летописи младшего извода (Н1мл), отразившей киевский Начальный свод 1090-х гг. (Нсв). Появление первоначальной записи «Сказания» учёный отнёс к первой половине XI в. Исследования раннего этапа русского летописания после Шахматова, а также археологические материалы, накопленные в течение XX – начала XXI в., дают возможность верифицировать и развивать эти выводы.

Необходимо обратить внимание на одну особенность текста «Варяжского сказания», понимаемую его интерпретаторами во многих случаях превратно. Имеется в виду кажущееся соответствие трёх «племён», приглашающих варягов на княжение, и трёх городов, в которых братья-варяги садятся княжить. Противоречивость этих соответствий породила в научной литературе многочисленные попытки наведения порядка в системе парных объектов, якобы нарушенной летописцами. Вопрос о наличии соответствий важен, в частности, тем, что в них зачастую находят причину присутствия в тексте конкретных городов – Изборска и Белоозера – по аналогии с очевидной парой *словене – Новгород*.

В наличии соответствий был уверен составитель ПВЛ, что побудило его решительно переработать текст «Сказания», имевшийся в Нсв, ликвидируя противоречия, которые он усмотрел в тексте предшественника. Логика переработки, исходящая из этногеографических знаний составителя ПВЛ, подробно объяснена Шахматовым² и современными исследователями³. В редакции Сказания по ПВЛ появился пассаж, напрямую связавший племена с городами: «И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а перьвии насельници в Новгородѣ

¹ © 2016 г. Н.В. Лопатин

Шахматов А.А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А.А. История русского летописания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 185–231; *он же*. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002.

² Шахматов А.А. Сказание... С. 226.

³ Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 533–550.

Словѣне, Полотьски Кривичи, в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣозерѣ Весь, в Муромѣ Муромъ; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ».

Тем не менее логика, искусственно привнесённая в текст при составлении ПВЛ, не снимала всех противоречий: без объяснения оставался выбор места княжения Трувора в Изборске. Связка *кривичи – Изборск* не была очевидна ни составителям ПВЛ, ни позднейшим летописцам, и Устюжская летопись XVI в. несёт свидетельство нового наступления средневекового историка на загадку Изборска: «Трувор сѣде во Изборску, а то нынѣ пригородок псковский, а тогда был в кривичех болший город»⁴. Иное решение предлагают некоторые летописные памятники XVII в., связывая Изборск с чудью в контексте фантастической трактовки ранней истории Руси. Укажем здесь на Мазуринский летописец и «Кроник Псковский»: «Придоша из западных страны, из чюди выборныя люди и обладатели страны тоя в великий Нов град з дарами поклонитися старейшины, великому князю Гостомыслу и сыну его Младому Славену, чтоб отпустил к ним во страну сына своего княжити и обладати ими и всею страну их, что у них старейшины и обладателя над ними нет... И поживе той старейшина Младый Славен во стране той время довольно, 28 лет и умре при животе отца своего Гостомысла. И после его в той стране остана Зборск... И после того Зборска остана сын его Изборск... И приказа владомым во всем его слушать, и град землен во имя его изсыпать на горе висоце Изборск. И поживе в нем князь Изборск во граде Изборске время довольно 25 лет и умре»⁵.

В русской историографии стало общим местом признание принадлежности Изборска кривичам⁶. Шахматов со временем менял своё объяснение присутствию Изборска в Сказании. В 1904 г. он также приходил к заключению, что «составителю сказания, новгородцу первой половины XI в., было ясно, что городом кривичей был Изборск», но уже в 1908 г., ссылаясь на Н.П. Барсова, но переосмысливая его вывод, опровергал сам себя: «изборяне рассказывали о Труворе, правда, изборяне это не кривичи, но подходящего кривичского предания в наличности у летописца не имелось; Изборск населён наполовину чудью, пришлось ввести чудь в число племён, призвавших варягов»; «мы находим чудь в эпизоде о призвании князей, и имени её соответствует город Изборск, пограничный город словен и чюди. Эта чудь была необходима для составителя Новгородского свода: иначе он не мог уяснить себе поселения Трувора, одного из призванных варяжских князей, в Изборске»⁷.

Так или иначе, но прямого утверждения о соответствии трёх городов трём племенам текст Сказания по версии Н1мл не содержит: первая триада⁸ присутствует в его начальной части, вторая – в конечной. В «Разысканиях» Шах-

⁴ Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.; Л., 1950. С. 20.

⁵ ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 28; Турилов А.А., Чернецов А.В. «Кроник Псковский» в контексте русской легендарной историографии XVII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). М.; Псков, 2013. С. 157–165. Благодарю А.В. Чернецова за предоставленную выдержку из текста памятника, не вошедшую в публикацию.

⁶ Евгений (Болховитинов). История княжества Псковского. Киев, 1831. С. 8; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. СПб., 1842. Стб. 69; Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. I. М., 1959. С. 129; Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной (несторовой) летописи. Варшава, 1885. С. 180–181; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 149.

⁷ Шахматов А.А. Сказание... С. 226; он же. Разыскания... С. 214, 217.

⁸ Четвертое племя добавлено, очевидно, не сразу (см. далее).

матов достаточно определённо указал на несоответствие городов племенам и на неоднородность всего рассказа⁹. Две тройственные системы должны быть отнесены к разным моментам исторического прошлого.

Недавно П.С. Стефанович изложил концепцию, согласно которой «Сказание о призвании варягов» является частью цельной повести, составляющей статью 854 года Н1мл под заголовком «Начало земли Руской» и находящей фольклорные прототипы северогерманского происхождения¹⁰. Одновременно утверждается присутствие в этой повести местных исторических реалий, её происхождение из нескольких источников и редактирование в период до составления Нсв=Н1мл¹¹. Поэтому не следует отказываться и от идеи о разновременности отдельных частей собственно «Варяжского сказания». Ныне к её аргументации можно привлечь некоторые дополнительные данные, в частности, археологические.

«**Племена**». Данная часть реалий Варяжского сказания многократно давала пищу для диаметрально противоположных и спорных интерпретаций. Шахматов предполагал здесь заимствование списка племён из последующего текста: «Что варяги угнетали не одних словен, но также кривичей и мерю, составитель записи заключал из того, что в его время «варяжская дань» (правда, уже иного происхождения) взималась именно со словен, кривичей и мери... Очевидно, автору записи припомнились и позднейшие обстоятельства, при которых варяги выступали насильниками» (1015 г.)¹². Стефанович в результате подробного текстологического анализа сделал вывод об обратной логике текста: кривичи и меря попали в число плательщиков дани, установленной в 882 г., в качестве вставки, сделанной на основе более раннего рассказа о варяжской дани с этих племён¹³.

Шахматов считал, что оборот «новгородстии людие рекомии» – вставка редактора киевского «Древнейшего свода» в первоначальный новгородский текст¹⁴. В.Л. Янин и М.Х. Алешковский, напротив, приходили к выводу, что она добавлена новгородским летописцем XIII в., переосмыслившим киевский текст о трёх племенах в духе представлений о полиэтничном городе, возникшем из трёх этнополитических компонентов¹⁵. Заметим, что синтаксис фразы не обязательно свидетельствует о включении кривичей и мери в состав новгородских людей; в таком духе понимал эту фразу и М.Н. Тихомиров: «новгородские люди (рекомии словени), кривичи и меря»¹⁶. С.М. Михеевым выдвинута альтернативная идея о том, что в исходной версии «Сказания» действовали «новгородстии людие, рекомии словени», а кривичи и меря вместе с чудью приписаны к ним позднее¹⁷. Вариант, предложенный Михеевым, никак не объ-

⁹ Шахматов А.А. Разыскания... С. 207.

¹⁰ Стефанович П.С. «Сказание...»...

¹¹ Там же. С. 570–574.

¹² Шахматов А.А. Сказание... С. 223.

¹³ Стефанович П.С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. № 12(22). М., СПб., 2011. С. 25–26.

¹⁴ Шахматов А.А. Сказание... С. 224.

¹⁵ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 52, 55.

¹⁶ Тихомиров М.Н. Начало русской историографии // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 64.

¹⁷ Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет?» М., 2011.

яснен им содержательно и обоснован лишь повторяемостью списка в разных статьях летописи, что не представляется мне убедительным.

А.В. Куза считал исконным участником федерации северных племен чудь, понимаемую расширительно как западнофинские племена в целом (включающие весь), а мерю – припиской периода правления Ярослава, который таким образом объявлял свои права на Ростовскую землю, где княжил до Новгорода¹⁸. С таким пониманием чуди трудно согласиться, поскольку оно расходится с летописным (узким). Мнение о вставке мери хотя и созвучно моему направлению поиска (обусловленность текста реалиями времени Ярослава), но не соответствует исторической обстановке: борьба за Ростовскую землю в целом не предстаёт острым вопросом ни в каком периоде деятельности Ярослава. Кроме того, заявляя права на Ростов, более естественно было бы упомянуть в первую очередь сам город.

Вопрос о времени появления чуди в списке племён непросто. До недавнего времени среди исследователей преобладало согласие с первоначальной точкой зрения Шахматова, относившего вставку чуди к работе составителя ПВЛ¹⁹ с последующим влиянием на текст Нсв при составлении более поздних новгородских сводов²⁰. В настоящее время подробно аргументирована точка зрения о том, что Н1мл близко к тексту воспроизводит текст Начального свода, послуживший основой для ПВЛ²¹. Из этого следует, что чудь уже присутствовала в списке до ПВЛ.

Разберём фрагмент Сказания по Н1мл с упоминаниями чуди. «Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенѣ свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владыше; а Чюдъ своимъ родом; и дань даяху Варягомъ от мужа по белей вѣверици; а иже бяху у них, то ти насилье дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдъ на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити». Из четырёх сходных перечней племён, следующих подряд, чудь появляется со второго раза, причём в составе избыточной вставки («кождо своимъ родомъ владыше; а Чюдъ своимъ родом»), смысл которой – дополнительно соотнести северный сюжет с южным, открывающим статью 854 года. На первый взгляд, присутствие чуди в третьем и четвёртом перечнях является прямым продолжением вставки в перечне втором. Но допустимо видеть здесь иную логику и последовательность: возможно, чудь впервые добавлена в те перечни, которые связаны с изгнанием данщиков и призванием князей (к вопросу о времени и причине этого добавления перейдём после рассуждения об Изборске).

¹⁸ Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества XII–XIII вв. М., 1975. С. 149–151.

¹⁹ Единственным объяснением добавления чуди при таком понимании оказываются размышления составителя ПВЛ, обладавшего обширными этногеографическими познаниями: «в этом призвании могла участвовать, по соображению игумена Сильвестра, чудь, *иже пресѣдять къ морю Варяжьскому* (см. космографическое введение). Отсюда замена мери чудью» (Шахматов А.А. Сказание... С. 226).

²⁰ Шахматов А.А. Сказание... С. 226; Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971. С. 124; Горский А.А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 61; Стефанович П.С. Загадочное известие... С. 26.

²¹ Гиппиус А.А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 47–49; Стефанович П.С. «Сказание...»... С. 573.

На следующем этапе редактирования текста появляется вышеуказанная избыточная вставка. Скорее всего, она относится к Нсв, поскольку служит уравниванию композиции статьи 854 года. Фраза «владеюще каждо родом своим» присутствовала, согласно реконструкции Гиппиуса, и в более раннем «Своде Изяслава начала 1060-х гг.»²², но именно в Нсв она заняла особенно видное место в начале повествования и поэтому одновременно была вставлена в середину статьи, подчеркивая симметрию южного и северного очагов зарождения Русской земли. Дублируя этот зачин в пассаж о северных племенах и остановившись на слове «владыше», сводчик обратил внимание на то, что далее действуют уже четыре племени вместо трёх, и приписал оборот «а чюдь своим родом». В любом случае в первоначальном перечне народов, угнетаемых варягами, оказываются три – словене, кривичи, меря.

Известна вышеупомянутая авторитетная гипотеза Янина и Алешковского, предлагающая понимать сюжет о «трёх племенах» узко – как о жителях трёх разноэтничных по происхождению районов собственно Новгорода²³. А.Н. Кирпичников предложил другой вариант компактной локализации северных племён в их «федеративной столице – Ладоге»²⁴. А.А. Горский предположил, что речь в «Сказании» идёт о группе «новгородских» кривичей, обитавших в районе Старой Ладogi²⁵. Тезис о необходимости поиска одного географического пункта как места действия «Варяжского сказания» не является, однако, непреклонным. Если представители племён и могли собираться в общей столице, этим не исчерпывалась этнополитическая картина²⁶. Понимание племён как населения больших территорий отражено в летописях; данные об их ареалах в VIII–X вв. накоплены археологией²⁷.

Размещение племён «Сказания» не раз получало неоднозначные толкования. Рассмотрим важнейшие дискуссионные варианты.

По сей день в науке не достигнуто согласие по вопросу об этнической принадлежности населения округа Изборска и Пскова накануне образования Древней Руси. В.В. Седов и его последователи обосновали концепцию псковской группы кривичей, тяготевших к Новгороду, на археологических материалах²⁸. Наиболее отчётливо против кривичской принадлежности изборян и самого понятия «псковских кривичей» высказался Г.С. Лебедев, предложив при

²² Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 57–96; *он же*. До и после... С. 54, 55, 61.

²³ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Указ. соч.

²⁴ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. I. Л., 1988.

²⁵ Горский А.А. Указ. соч. С. 48, 60, 63.

²⁶ Любопытно, что составитель Устюжской летописи видел и здесь, подобно современным историкам, необходимость объяснения характера взаимодействия племён между собой: «и начаша меж собою пословати и снidoшася вкупѣ» (Устюжский летописный свод... С. 20).

²⁷ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982; Шмидт Е.А. Кривичи Смоленского Поднепровья и Подвинья (в свете археологических данных). Смоленск, 2012; Енуков В.В. Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990; Леонтьев А.Е. Археология мери. К предистории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

²⁸ Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М., 1974 (Археология СССР: Свод археологических источников. Вып. Е1-08). С. 41; *он же*. Изборск в раннем Средневековье. М., 2007. С. 35; Куза А.В. Указ. соч. С. 149.

этом считать Изборск западным поселением ильменских словен, вступивших в «этнические контакты с латгалами, эстами, чудью»²⁹.

Д.А. Мачинский отстаивал идею доверия информации Сказания по Н1мл, в том числе соответствия мест княжения братьев территориям племён. Более того, исследователь принял порядок перечисления племён, городов, имён братьев в качестве строго определённого, что привело его к весьма оригинальным триадам: Рюрик – Новгород – словене, Синеус – Белое озеро – кривичи, Трувор – Изборск – меря³⁰. Автором собраны аргументы о возможной принадлежности названия «Белое озеро» Ладожскому и о присутствии кривичей в южном Приладожье. Развивая идею Янина и Алешковского, Мачинский значительную часть статьи посвятил интерпретации этнонима *меря* как варианта названий *норова/нерева/мерева*, обозначающих чудскую этногруппу, локализуемую по соседству с областью словен, и именно с этой *мерей* связал Изборск³¹. Гипотезе Мачинского нельзя отказать в стройности, однако она включает слишком большое количество гипотетических допущений, и, кроме того, исходит из принципа чёткого соответствия племён и городов, о сомнительности которого говорилось выше.

В настоящее время в рамках практически общепринятого понимания населения раннего Изборска как полиэтничного можно полагать, что кривичи в нём присутствовали наряду с представителями других этносов, как славянских, так и неславянских. Об этом свидетельствуют облик лепной керамики и набор женских украшений из нижнего горизонта культурного слоя³². Аналогичная картина наблюдается и в Ладоге, где также присутствовал кривичский элемент³³. Данные археологии позволяют подкрепить взгляд на «племена», действующие в «Варяжском сказании», как на население относительно больших территорий, соответствующих в общих чертах наиболее общепринятому их пониманию. Дело в том, что именно с областями летописных словен, кривичей (смоленских) и мери связаны на карте будущей Русской земли наиболее ранние и отчётливые следы присутствия скандинавов³⁴. Приведу выводы из недавних публикаций: «Материалы раскопок и клады куфического серебра, маркирующие зону интересов варягов, говорят о том, что события, описанные в Сказании, разворачивались преимущественно в Поволховье, Приильменье и верхнем Поволжье»; что же касается кривичей, то в зону «варяжской дани» входила восточная (смо-

²⁹ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978. С. 83–85.

³⁰ Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986. С. 15.

³¹ Там же. С. 19–23; ср.: Янин В.Л., Алешковский М.Х. Указ. соч. С. 42, 51; Янин В.Л., Колчин Б.А. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 45.

³² Лопатин Н.В. Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 133.

³³ Мачинская А.Д. Ладога и культура смоленских длинных курганов: проблемы хронологии // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 3. Новгород, 1990; Нефёдов В.С. Некоторые замечания об украшениях культуры смоленских длинных курганов из раскопок в Старой Ладоге // Ладога – первая столица Руси: 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003. С. 58–67.

³⁴ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 185–189; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия. Избранные труды. М., 2011. С. 184; Puškina T.A. Scandinavian finds from Old Russia. A survey of their topography and chronology // The Rural Viking in Russia and Sweden. Conference 19–20 October 1996. Lectures. Örebro, 1997. Fig. 1.

ленская) часть их территории, исключая полоцкую часть³⁵; находки на Сарском городище близ Ростова «если не подтверждают возможность появления варягов (вполне в духе сообщения о выплате варяжской дани), то, во всяком случае, указывают на связи мери с Новгородской землей и появившимися там варягами не менее чем за два поколения до возникновения Древнерусского государства»³⁶. Археологические данные позволяют предположительно уточнить и время установления варяжского влияния на области «трёх племён». Если в Ладоге и на Сарском городище оно отмечено ещё во второй половине VIII – начале IX в., то для окрестностей Новгорода и днепро-двинского междуречья фиксируется в основном с середины IX в.³⁷

Таким образом, области «трёх племён» составляют первый географический треугольник «Варяжского сказания». Это не что иное, как зона раннего скандинавского военно-торгового присутствия в северных землях Восточной Европы, или зона летописной «варяжской дани». Допустимо относить эту триаду к наиболее архаичному слою реалий «Сказания».

К этнической проблематике примыкают, но выходят далеко за её пределы вопросы о терминах *русь* и *варяги*, которых здесь мы лишь коснёмся. Значительное внимание уделил им в своих работах Шахматов³⁸. Исходя *a priori* из отрицания теории (возникшей, по Шахматову, лишь в ПВЛ) варяжского происхождения руси, учёный преувеличил противоречивость текста Н1мл и признал появление в нём руси заимствованием из ПВЛ. Однако именно категорическая конкретность автора ПВЛ, считавшего русь отдельным скандинавским народом³⁹, серьёзно искажает рассказ по сравнению с вариантом Н1мл, в котором имя руси связывается происхождением с князьями-братьями и их дружиной. Тем самым фраза «от тех варяг, находник тех, прозвашася русь» отражает процесс изменения (переноса и расширения) содержания термина *русь* к рубежу X–XI вв. в согласии с современными научными представлениями⁴⁰, хотя последние и остаются дискуссионными.

Города. Список из семи городов в тексте «Сказания» распадается, по Шахматову (с уточнениями его последователей), на три группы согласно стратиграфии летописания: 1) Новгород, Белоозеро, Изборск (присутствовали в версии Нсв, а также, очевидно, в предшествующих ему летописных текстах); 2) По-

³⁵ Еремеев И.И. Полоцкая земля // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 279.

³⁶ Леонтьев А.Е. На берегах озер Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 170.

³⁷ Кирпичников А.Н. Историческое наследие Старой Ладоги // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. М., 2009. С. 333–348; Леонтьев А.Е. Волжско-Балтийский торговый путь в IX в. // Краткие сообщения института археологии (далее – КСИА). Вып. 183. 1986. С. 7–8; Носов Е.Н. Новгородское городище – новые этапы исследований // Археологические открытия 1991–2004 гг. Европейская Россия. С. 349–360; Янссон И. Скандинавские находки IX–X вв. с Рюрикова городища // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 18–38; Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части Пути из варяг в греки. Археологические и палеогеографические исследования между Западной Двиной и озером Ильмень // Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 33. СПб., 2010. С. 409–503.

³⁸ Шахматов А.А. Сказание... С. 204–205; он же. Разыскания... С. 208–211.

³⁹ «сїце бо звахуть ты Варѣгы Русь ꙗко се друзии зовутсѧ Свее друзии же Оурмани Аныглѧне инѣи и Готе»

⁴⁰ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX–X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 36–38; Lind J.H. Problems of Ethnicity in the Interpretation of Written Sources on Early Rus' // Slavica Helsingiensia. 27. Helsinki, 2006. P. 252.

лоцк, Ростов, Муром (добавлены составителем ПВЛ); 3) Ладога (добавлена в качестве первой резиденции Рюрика в редакции ПВЛ 1117 г.). Города нередко рассматриваются исследователями как форпосты «Руси Рюрика» – державы, созданной в результате призвания варягов⁴¹, как вехи территориальных пределов распространения власти приглашённого на условиях «ряда» князя⁴². Однако эти построения остаются малообоснованными и критикуются⁴³.

Признавая убедительной аргументацию Шахматовым текстологической истории сведений о Полоцке, Ростове, Муроме и Ладоге, обратимся к данным о городах первой («ранней») группы. Логика текста подразумевает, что наряду с Новгородом – столицей старшего из братьев-варягов – названы два других центра Северной Руси, где сели княжить два младших брата. Однако основания такого отношения автора текста к этим двум пунктам неочевидны. Если соглашаться с современной версией происхождения первоначального летописного «Ядра» как записи дружинного эпоса, отразившей взгляд из Киева конца X в.⁴⁴, то в этом контексте первостепенная роль Белоозера и Изборска оказывается необъяснимой. Главенствующее положение Новгорода в землях Северной Руси в данном случае вполне понятно, но для времени Рюрика оно также является явным анахронизмом: археологические материалы датируются здесь временем не ранее первой половины X в.⁴⁵

Попытки найти подтверждения столичному статусу Белоозера и Изборска для IX в. в материалах археологии не дали удовлетворительных результатов. Археологические данные об истории города Белоозера подробно рассмотрены С.Д. Захаровым⁴⁶, который на современном уровне подтвердил полувековой давности вывод Л.А. Голубевой о том, что Белоозеро возникает лишь около середины X в. Не обнаруживается и выдающейся роли скандинавов в истории города и всего региона Белозерья.

Хронология Изборска охватывает летописную дату призвания варягов, так что формально как будто наблюдается согласие двух источников. Однако проблемы соотношения реального Изборска с Изборском «Варяжского сказания» это не снимает. Археология не даёт подтверждения сюжету о Труворе. Автор раскопок Труворова городища В.В. Седов пришёл к выводу, что во времена Рюрика Изборск хотя и существовал в качестве значительного центра славян-кривичей, но не содержит в культурном слое заметных следов присутствия варягов⁴⁷. Седов указывал, что отдельные находки скандинавского происхождения в Изборске есть: фризский гребень, равноплечая фибула, ланцетовидные наконечники стрел и копий. Но этого слишком мало, чтобы увидеть за ними варяжскую дружину времен Рюрика и Трувора или скандинавскую военно-торговую

⁴¹ Лебедев Г.С. Труворово городище и западные форпосты Руси Рюрика (обозначившаяся проблема) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб., 1994. С. 141–145.

⁴² Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранне-средневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 г. М., 1991. С. 219–229.

⁴³ Еремеев И.И. Полоцкая земля. С. 288; Стефанович П.С. «Сказание...»... С. 529–530, 547.

⁴⁴ Гиппиус А.А. До и после... С. 51, 55.

⁴⁵ Янин В.Л., Колчин Б.А. Указ. соч. С. 44.

⁴⁶ Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004.

⁴⁷ Седов В.В. О скандинавских находках в Изборске // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. Ч. I. М., 1986. С. 80.

факторию. Отмечено, что Изборск расположен в стороне от важных водных путей, которые привлекали скандинавов⁴⁸, не являлся главенствующим центром в своём регионе, уступая Пскову⁴⁹. Таким образом, проблема Изборска ничуть не проще, чем проблема Белоозера.

Недоумение исследователей по поводу «странного размещения братьев Рюрика»⁵⁰ обернулось разработкой целого ряда концепций подмены и переноса названий городов. А.В. Куза привлекал летописный рассказ о федерации трёх племён как источник для реконструкции исконной территории Новгородской земли и в этом контексте высказал догадку о появлении в «Сказании» Изборска вместо Пскова, а Белоозера – вместо Ладоги. Исследователь считал мотивом летописца желание подыскать племенам-федератам адекватные центры при невозможности упоминания истинных столиц (Пскова и Ладоги) в качестве самостоятельных княжений, поскольку они «уже в XI в. были слишком прочно связаны с Новгородом»⁵¹. Этот довод не представляется мне достаточно убедительным, поскольку «Сказание» как раз обосновывает быстрое и законное присоединение княжений братьев к Новгороду.

Д.А. Мачинский считал, что в «Сказании» по XI в. речь идёт не о городе Белоозере, а о регионе («на Беле озере» – Ладожском оз.), а Изборск не следует отождествлять с Труворовым городищем в нынешнем Изборске, но нужно искать где-то в пределах бассейна Великой⁵². Поиски археологического памятника в Белозерье, подходящего на роль стольного града Синеуса в условиях отсутствия ранних материалов в самом Белоозере, привели в 1990-е гг. к формулированию идеи о локализации города Белоозера в IX в. на поселении Крутик⁵³. Однако подробное рассмотрение материалов раскопок на этом памятнике Л.А. Голубевой позволило С.Д. Захарову прийти к выводу, что, несмотря на яркий комплекс находок, специализацию на пушной охоте и обработке цветных металлов, это поселение, запрятанное в непроходимом лесу, не может претендовать на роль Белоозера эпохи Синеуса: его невозможно считать центром раннегородского типа и даже просто крупным поселением. Находки скандинавского происхождения не выделяют этот пункт на общем фоне региона и появляются почти на столетие позже летописной даты призвания варягов⁵⁴.

Намного подробнее была развёрнута другая гипотеза «подмены» – о принадлежности летописного имени Изборска под 862 г. раннему Пскову⁵⁵. С.В. Белецкий, отталкиваясь от выводов В.В. Седова (о малочисленности скандинавских находок в Изборске) и Д.А. Мачинского (о несоответствии Труворова городища признакам поселения варягов), утверждает, что на этом па-

⁴⁸ Мачинский Д.А. Указ. соч. С. 20.

⁴⁹ Lopatin N. About the Status of Pskov and Izborsk in the 10th – 11th Centuries: a Comparative Analysis // Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th – 13th Centuries. A collection of articles in memory of Evald Tonnisson. Compiled and edited by Heiki Valk. Tartu, 2014. P. 173–187.

⁵⁰ Куза А.В. Указ. соч. С. 155.

⁵¹ Там же.

⁵² Мачинский Д.А. Указ. соч. С. 15, 20–21.

⁵³ Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996. С. 15–16; Башенькин А.Н. Вологодская область в древности и средневековье // Вологда. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда, 1997. С. 22–23.

⁵⁴ Захаров С.Д. Указ. соч. С. 107–122.

⁵⁵ Белецкий С.В. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: истоки и становление. Торопец, 1990. С. 8–14; он же. Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // Скифы, сарматы, славяне, Русь (Петербургский археологический вестник. № 6). СПб., 1993. С. 112–114; он же. Начало... С. 78–86.

мятнике вообще нет отложений второй половины IX – начала XI в.; Изборск «Варяжской легенды» представлен материалами раннегородского характера на территории Пскова; его динамичное развитие было прервано военной акцией Ярослава Владимировича, после чего город развивался на новой основе и сменил название, а часть уцелевших жителей основала новое поселение на Труворовом городище в Изборске. Гипотеза подвергнута критике, как с точки зрения возможности локализации топонима *Изборск* в Пскове⁵⁶, так и по вопросу о соответствующей хронологической лакуне в материалах Труворова городища⁵⁷. В новейших публикациях на эту тему Белецкий в главном подтверждает свою периодизацию Пскова⁵⁸, но вопрос о размещении здесь во второй половине IX – начале XI в. Изборска «Варяжского сказания» не затрагивает.

Таким образом, путь поисков других центров IX столетия, спрятанных за именами Белоозера и Изборска, не дал пока безупречных результатов, несмотря на принесённую в жертву топонимическую ясность. Представляется, что ключом к пониманию «Варяжского сказания» в версии Н1мл является конструкция из трёх упомянутых в ней географических пунктов при рассмотрении их на собственных современных географических местах. Поскольку все три города так или иначе не вписываются в эпоху и систему «Руси Рюрика», нам следует, «не умножая сущностей», попытаться выявить другой исторический момент, в который эта вторая географическая триада «Сказания» имела очевидный смысл.

Собственно говоря, большинство историков относило запись «Сказания» к середине XI в.⁵⁹, а источником текста при этом обычно признавались устные предания, в той или иной мере сохранившие реалии IX в. Однако следует обратить внимание и на возможность иной датировки самих реальных. Догадки об отнесении сведений об Изборске и Белоозере к более позднему времени уже высказывались историками. А.Н. Насонов предлагал считать Изборск военной базой Ярослава в 1030 г., объясняя этим его появление в «Варяжском сказании»⁶⁰. Янин и Алешковский кратко заметили, что сведения легенды об Изборске и Белоозере явно сочинены в XI в.⁶¹

В специальной статье, посвященной историческим реалиям «Варяжского сказания», И.Я. Фроянов причислил Белоозеро к городам поздней группы, появившейся при редактировании текста во второй половине XI – начале XII в.⁶² Однако именно название Белоозера, присутствующее в «Сказании» дважды (версия ПВЛ), особенно убедительно свидетельствует о наличии здесь разных слоёв. Привлечение исследователем данных о военном противостоянии Новгорода с Ростовом в конце XI – начале XII в. в качестве мотива вставки

⁵⁶ Плоткин К.М. К вопросу о топониме «Изборск» и реке Исе // Скифы, сарматы, славяне, Русь (Петербургский археологический вестник. № 6). СПб., 1993. С. 115.

⁵⁷ Лопатин Н.В. Изборск. С. 136–137; он же. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // Археология и история Пскова и Псковской земли... С. 187–188.

⁵⁸ Белецкий С.В. Псков в I – начале II тыс. н.э. // Российский археологический ежегодник. № 1. СПб., 2011. С. 361–395.

⁵⁹ Шахматов А.А. Разыскания... С. 315; Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 65; Рыбаков Б.А. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 199.

⁶⁰ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 73.

⁶¹ Янин В.Л., Алешковский М.Х. Указ. соч. С. 54.

⁶² Фроянов И.Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Вопросы истории. 1991. № 6. С. 7.

Белоозера в «Сказание» невозможно принять и потому, что этот город не был центральным в составе Ростовского княжества и не мог олицетворять собой «верхневолжские земли» как цель «наступательной политики новгородцев». Собственная специфическая роль этого центра осталась необъяснённой, поэтому датировка Фрояновым включения Белоозера в текст «Сказания» не может быть признана удачной. Ещё более странно отношение исследователя к Изборску как исторической реалии «Сказания», совсем не обсуждаемой в данной работе, хотя Фроянов довольно подробно рассматривает «внутриволостную» по отношению к Новгороду роль Пскова⁶³, который, как известно, вообще к реалиям «Сказания» не принадлежит.

Систему из трёх городов – мест «призвания» трёх братьев – считает существенной для понимания «Сказания» А.А. Селин. Резонно возражая против поисков «действительного» места призвания Рюрика, он обращает внимание на выбор летописцем пунктов, не являвшихся важными центрами в момент вставки легенды в летопись. В таком контексте, по мнению исследователя, в качестве стола Рюрика более уместна Ладога, чем Новгород⁶⁴. Однако мотивы летописца при выборе городов оставлены без объяснения, поэтому подмеченный контекст не становится полноценным аргументом ни в пользу предпочтительности ладожской версии перед новгородской, ни для датировки включения «Варяжской легенды» в летопись началом XII в., которую отстаивает Селин.

Как справедливо заключал Шахматов, Рюрик помещён автором новгородской записи «Сказания» в Новгороде как местопребыванию князей и посадников XI в.⁶⁵ Представляется, что и мотивы выбора двух других городов следует осмыслить в реалиях XI в., а не искать их в спорных соответствиях племенам или в безвестных народных преданиях⁶⁶. Обратимся к археологическим материалам, способным пролить свет на причины включения двух «малых» городов в «Сказание».

Примечательным элементом планировочной структуры раннего древнерусского Изборска является замкнутая линия частокольной канавки, интерпретированной Седовым как остатки стены детинца, выделявшего мысовую часть внутри укреплений города⁶⁷. Этот детинец имел площадь 2 100 кв. м, что составляет около трети всей укрепленной площади Изборска и на четверть превышает площади крупнейших усадеб новгородских бояр⁶⁸. Согласно выводам Седова, именно с момента строительства детинца Изборск превращается из протогородского поселения в полноценный город⁶⁹. Однако необходимо обратить внимание на то, что усложнение структуры города и системы его обороны

⁶³ Там же. С. 6.

⁶⁴ Селин А.А. Староладожский миф в академическом дискурсе последних лет // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 1(11). С. 118.

⁶⁵ Шахматов А.А. Сказание... С. 224.

⁶⁶ Нет никаких свидетельств об изборских и белозерских преданиях, заведомо не происходящих от летописного рассказа (Куза А.В. Указ. соч. С. 155; Петрухин В.Я. Призвание варягов: историко-археологический контекст // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 45). Микротопонимы окрестностей Изборска и Белоозера, несущие имена Трувора и Синеуса, не встречены в средневековых источниках (устные сообщения Б.Н. Харлашова и покойного С.Д. Захарова).

⁶⁷ Лопатин Н.В. Некоторые вопросы истории фортификаций раннего Изборска // *КСИА*. Вып. 226. 2012. Рис. 3.

⁶⁸ Петров М.И., Сорокин А.Н. О размерах усадеб древнего Новгорода // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 62.

⁶⁹ Седов В.В. Изборск... С. 117–118.

произошло без увеличения площади укрепленной территории. Это указывает на некую функциональную перестройку, не тождественную хорошо известному процессу естественного роста многих средневековых городов, когда новая линия фортификаций увеличивала общую укрепленную площадь. По археологическим данным, строительство детинца относится к началу XI в.⁷⁰ и может быть, следовательно, связано с деятельностью новгородской администрации времени молодого князя Ярослава Владимировича.

Летописные известия показывают, что в XI – начале XIII в. чудская дань была одной из постоянных целей внешней политики Новгорода и важным источником пополнения его казны⁷¹. Первый поход был осуществлён Ярославом в 1030 г., но вполне вероятно, что чудское направление его активной внешней политики планировалось ранее. Соответственно, нелишним для Ярослава в 1010–1030 гг. было и создание военной базы в Изборске – пункте, где новгородское войско могло иметь последний ночлег перед вступлением в чудские земли⁷². Таким образом, выглядит вполне логичным возведение внутри уже имевшихся к тому времени укреплений Изборска дополнительного детинца – для обособления походного двора новгородского князя и его дружины. Как уже отмечено, считать Изборск военной базой Ярослава в 1030 г. предлагал Насонов, не имея тогда никаких археологических материалов. Здесь следует вернуться к вопросу о чуди, поскольку мотив геополитических интересов Ярослава на западе связывает в один узел и включение Изборска на чудской границе в число городов легендарной «Руси Рюрика», и зачисление самой чуди в список племён, добровольно подчинившихся последнему. В этом смысле идея о соответствии Изборска чуди может оказаться справедливой⁷³.

Что касается Белоозера, то это упоминание, вероятно, имеет непосредственное отношение к истории соперничества Новгорода и Ростова в этом регионе. Несмотря на скудость письменных источников, историки склоняются к выводу, что уже в первой половине XI в. Белоозеро входило в область Ростова⁷⁴. Полезными и в этом вопросе оказываются данные археологии. Они изложены в ряде публикаций Н.А. Макарова и С.Д. Захарова. Со второй половины X в. район Белоозера был тесно связан с Волго-Клязьминским междуречьем; археологи-

⁷⁰ Лопатин Н.В. Некоторые вопросы... С. 218.

⁷¹ Егоров В.А. Новгородские храмы как памятники русско-финских отношений // Отчёт за первые два года деятельности ленинградского общества исследований культуры финно-угорских народностей. Л., 1927 (Цит. по URL: http://www.kirjazh.spb.ru/biblio/nov_hr/n_hr.htm. Дата обращения: 15.02.2016); Насонов А.Н. Указ. соч. С. 82–83; Лопатин Н.В. Некоторые вопросы... С. 218–219.

⁷² Пути сообщения, в том числе передвижения войск, между новгородско-псковскими и чудскими землями ранее XIV в. изучены недостаточно. Оценки соотношения сухопутных дорог (через Изборск) и водных путей неоднозначны: Валк Х. Городища Восточной Эстонии и поход князя Ярослава на Чудь // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар им. академика В.В. Седова. Материалы 54-го заседания (2008 г.). Псков, 2009. С. 396, 399; он же. Об истории основных путей из Изборска на запад // Изборск и его округа: материалы Международной научно-практической конференции 2007–2008 гг. Изборск, 2009; Хрусталёв Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. Т. 1. С. 20. Полагаю, что археологические материалы Изборска подтверждают важное значение именно сухопутной дороги.

⁷³ Подробнее об этом см.: Лопатин Н.В. К этногеографии Сказания о призвании варягов // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 286–292.

⁷⁴ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 179; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 59.

чески фиксируется «значительное воздействие мерянской культуры на культуру финского населения шекснинского региона, определившее позднейшее включение Белоозера в состав Ростовских владений»⁷⁵. Шекснинско-белозерская промысловая зона снабжала мехами раннегородские центры Северо-Восточной Руси. Однако в конце X – начале XI в. прослеживается усиление западной – новгородской – колонизации. В Белозерье проникло и осело население, связанное происхождением с новгородскими землями; в его составе присутствовали разные этнические элементы – славянский, прибалтийско-финский, скандинавский⁷⁶. На рубеже X–XI вв. произошла переориентация торговых связей; преобладающим стал вывоз пушнины в Новгород и далее на Балтику⁷⁷. Усиление новгородского экономического влияния отразилось в археологических материалах Белозерья. Куфические монеты сменяются западноевропейскими. Изменяется парадный женский убор, в котором определяющее положение занимают предметы древнерусских и прибалтийско-финских типов⁷⁸.

В свете этих данных логично считать Белоозеро для молодого Ярослава желаемым форпостом на востоке, пунктом контроля за промысловой зоной – важной финансовой основой экономической и политической самостоятельности. Интригу вопросу о Белоозере добавляло ростовское княжение Ярослава в предыдущий период. Будучи переведенным из Ростова в Новгород, он хорошо представлял себе значение района Белоозера для обеих метрополий и не мог допустить его потери. Летописные известия под 1019 (1020) и 1024 гг. показывают, что Ярослав тогда полновластно распоряжался Ростовом, и предполагать какие-либо сложности для его контроля над Белоозером нет оснований. Единственный короткий период, когда белозерский вопрос должен был беспокоить Ярослава, – время княжения в Ростове Бориса – до 1015 г. Таким образом, проявляется значение Изборска и Белоозера не только как пограничных пунктов, но и как двух финансовых источников княжества Ярослава. С пристальным вниманием автора текста к этим источникам хорошо согласуется недавно высказанное предположение, что новгородский князь испытывал в то время финансовые трудности, вызванные кризисом арабского серебра, что и послужило причиной его конфликта с отцом⁷⁹.

Имена. На фоне огромной историографии проблем происхождения Рюрика с братьями и их имён мне представляется уместным подчеркнуть один известный момент: первую независимую от летописи датировку появления имени Рюрика как родоначальника правящей династии даёт наречение этим именем правнука Ярослава – Рюрика Ростиславича – около 1060 г. Из этого следует, что имя пращура было усвоено Ростиславом Владимировичем в свои детские годы – 1040-е. Эта дата – очевидный *terminus ante quem* для появления имени

⁷⁵ Макаров Н.А. К истории формирования ростово-суздальских владений на Севере // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 105.

⁷⁶ Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М., 1997. С. 166; Захаров С.Д. Указ. соч. С. 118.

⁷⁷ Макаров Н.А., Захаров С.Д. Пушной промысел в хозяйстве кубенозерских поселений // Археология севернорусской деревни X–XIII веков... Т. 3. С. 76.

⁷⁸ Макаров Н.А. К истории... С. 97.

⁷⁹ Ляхницкий В.Н. О конфликте князя Владимира с Ярославом // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2(14). С. 99–101.

Рюрика в истории и генеалогии Руси⁸⁰. Но возможно ли указать более конкретный момент его появления? Е.В. Пчелов привлёк для датировки «создания родственной связи Игорь – Рюрик» соображения об исторических условиях, когда легитимизация династии была особенно актуальной⁸¹. Выявление таких моментов – при Ольге и в начале правления Владимира – весьма резонно и позволяет предполагать присутствие сюжета о Рюрике (возможно, вместе с братьями) уже в «Древнейшем сказании о русских князьях» – «летописном Ядре», впервые изложенном на основе дружинного фольклора на рубеже X–XI вв.

Во времена Ярослава также имелась благодатная почва для утверждения легенды о Рюрике. Для Ярослава, постоянно опиравшегося на варяжских наёмников и наиболее активно из всех русских князей участвовавшего в политической жизни балтийского региона, в том числе путём брачных союзов⁸², культивирование родословной легенды о собственном происхождении от варяга – основателя государства с центром в Новгороде – кажется более чем естественным.

Стратиграфия, хронология и первоначальный вид Сказания. А.А. Гиппиус реконструирует три этапа редактирования «Древнейшего сказания о русских князьях» – в 1060-х, 1070-х и 1090-х гг., – и определяет примерный перечень основных добавлений этого времени в текст⁸³. В то же время он не отрицает летописание времени Ярослава, характеризуемое в работе Н.И. Милютенко⁸⁴, и допускает, что рассказ о княжении Ярослава был простым продолжением «Древнейшего сказания», созданного ещё при Владимире⁸⁵. В.Я. Петрухин предполагает фиксацию при Ярославе текстов, предшествующих Начальному своду, в «хронографической манере»⁸⁶. Согласно упомянутой концепции Милютенко, летописание до смерти Ярослава велось при княжеском дворе, но нельзя сказать, в каком объёме эта летопись (Древнейший свод) отразила предания о Рюрике, Олеге и Игоре⁸⁷. Представляется, что вышеприведённые наблюдения указывают на хронологический рубеж начала литературной (летописной) работы при дворе Ярослава, а также на то, что произошло это в Новгороде.

По мнению А.А. Гиппиуса, распространение текста «Древнейшего сказания» за IX–X вв. произошло в начале 1060-х гг. («Свод Изяслава»)⁸⁸. Приведу аргументы, позволяющие предполагать более раннюю датировку записи с Белоозером и Изборском.

Начиная с 1015 г. геополитика Ярослава переросла новгородские пределы и приобрела общерусские масштабы. Позднее этой даты указывать границы Новгородской земли, обособленной от Киева, вряд ли имело смысл. Конечно,

⁸⁰ Мельникова Е.А. Рюрик и возникновение восточнославянской государственности в представлениях древнерусских летописцев XI – начала XII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. М., 2008. С. 70.

⁸¹ Пчелов Е.В. Происхождение древнерусских князей от Рюрика: устная традиция или летописная конструкция? // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 430.

⁸² Мельникова Е.А. Балтийская политика Ярослава Мудрого // Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия... С. 301–344.

⁸³ Гиппиус А.А. До и после... С. 61–62.

⁸⁴ Милютенко Н.И. Летописание Ярослава Мудрого (Древнейший свод) // Rossica Antiqua. Исследования и материалы. СПб., 2006. С. 156–169.

⁸⁵ Гиппиус А.А. До и после... С. 58.

⁸⁶ Петрухин В.Я. Ярослав Мудрый, Ярославичи и начальное летописание // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 174.

⁸⁷ Милютенко Н.И. Указ. соч. С. 168, 169.

⁸⁸ Гиппиус А.А. До и после... С. 60.

вокруг Изборска и Белоозера в течение XI в. происходили разнообразные коллизии, которые могли бы объяснить интерес летописца к данным регионам. Так, в 1030 и 1060 гг. менялась ситуация на чудской границе и прилегающих землях юго-восточной Эстонии. Вместе с тем Белоозеро, согласно реконструкции В.А. Кучкина, после смерти Ярослава входило в состав ростовских земель, подвластных Всеволоду Ярославичу, а с 1073 г. находилось в руках Святослава Ярославича и управлялось через Новгород до смерти Святослава в 1076 г., после чего окончательно перешло к Ростовскому княжеству⁸⁹. Однако тройственная система городов во главе с Новгородом для этих исторических моментов предстает бессмыслицей. Очевидно, включение Белоозера и Изборска в текст «Варяжского сказания» связано с идеологическим обоснованием борьбы молодого Ярослава за автономию Новгорода от Киева в 1014–1015 гг. В контексте политического манифеста вполне уместна тема западной и восточной границ Новгородской земли (действительных или желаемых), якобы установленных предками за полтора столетия до того. Такое понимание «Варяжского сказания» сближает его с исландскими королевскими сагами, в которых рассказ о прошлом во многих случаях предназначался для нужд политической борьбы своего времени⁹⁰. Можно полагать, что ряд перечисленных мотивов обусловил устное воспроизведение и развитие киевского «Древнейшего сказания» при новгородском дворе Ярослава с последующей письменной фиксацией. Культивирование дружинного эпоса и обогащение его злободневными подробностями находится в одном ряду с другой пропагандистской акцией Ярослава – выпуском монет «Ярославле серебро» большого веса (тип I), относимым исследователями к тому же времени – 1014–1015 гг.⁹¹

Проблемы стратиграфии и хронологии «Сказания о призвании варягов» многочисленны и трудно решаемы. Рассмотрение доступных источников в данной статье позволяет предложить следующую реконструкцию системы релативных датировок по Н1мл.

Предполагаю, что к основной, ранней, части «Сказания» относятся сюжеты о дани, взимавшейся варягами с трёх северных племён (словен, кривичей и мери), об изгнании данщиков и призвании князей Рюрика, Синеуса и Трувора⁹² в Новгород. Такая композиция – «три брата – один город» – составляет параллель сюжету о трёх киевских братьях. Вероятно, в ранней части присутствовали также фраза о прозвании Руси от варягов-находников и повествование о завоевании Олегом и Игорем Киева, что соединяло киевскую и новгородскую сюжетные линии. Всю эту основу рассказа допустимо возводить к «Древнейшему сказанию» («летописному Ядру») рубежа X–XI вв.⁹³ Археологические материалы VIII–X вв. очерчивают территории трёх племён и отмечают в их землях присутствие скандинавов. Центральное положение Новгорода в тексте

⁸⁹ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 65–66.

⁹⁰ Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: (с древнейших времён до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 19.

⁹¹ Гайдуков П.Г., Калинин В.А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 431.

⁹² Появление имён князей вне связи с Изборском и Белоозером отмечается в некоторых поздних летописях – Никоновской, Устюжской, Псковской 3-й, Мазуринском летописце. Однако считать этот вариант реликтом исходного текста достаточных оснований нет.

⁹³ Такой состав рассказа соответствует положению о том, что «Древнейшее сказание» излагало историю призвания варяжских князей «в эпически-обобщенном виде, абстрагированном от неактуальных для Киева географических подробностей» (Гиппиус А.А. До и после... С. 62).

отражает его статус главного города северной части Древнерусского государства, который он приобрел незадолго до середины X в.

Добавление двух городов – Изборска и Белоозера – где сели княжить братья Рюрика, а также чуди в список племён наилучшим образом соответствует политической ситуации периода новгородского княжения Ярослава до смерти Владимира. Результаты археологических исследований всех трёх городов подтверждают возможность их включения в летописный рассказ в указанное время и препятствуют буквальному пониманию сюжета о трёх столицах варяжских князей IX столетия.

Понятие «географические открытия» и его применимость к российским реалиям XVII в.

Николай Никитин

The concept of «voyages of discovery» and its applicability to Russian realities of the XVII century

Nikolay Nikitin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

История освоения нашей планеты человеком изобилует спорами о приоритетах в открытии различных «географических объектов» – от островов, рек, озёр до континентов. Самый известный и распространённый из таких споров касается вопроса о том, «кто же открыл Америку». Приоритет Христофора Колумба в столь важном для мировой истории событии оспаривается давно и небезуспешно: знаменитого генуэзца на пьедестале уже потеснил норманнский мореплаватель Лейф Эрикссон, достигший Североамериканского материка не в 1492 г. (как Колумб), а около 1000 г., и в США, наряду с днём Колумба, уже полвека вполне официально отмечается день Эриксона¹. В литературе часто встречаются утверждения, согласно которым задолго до викингов в Америке побывали этруски, финикийцы, ирландцы, китайцы, японцы, а позднее, но тоже до Колумба, полинезийцы, арабы, бристольтские моряки и бискайские рыбаки². Степень обоснованности таких утверждений, естественно, разная и явно недостаточная для официального признания, но тем не менее она даёт пищу для бесконечного продолжения дискуссий.

Оспариваются приоритеты и по поводу многих других, пусть и не столь значимых, географических открытий. Например, ставятся под сомнение заслуги португальского мореплавателя Васко да Гамы, проложившего путь в Индию вокруг Африканского континента в 1498 г. Утверждают (и не без оснований), что западное побережье Африки до мыса Доброй Надежды было обследовано

© 2016 г. Н.И. Никитин

¹ Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М., 1971. С. 12.

² Там же. С. 13–16.